

при погребении о. Василя Арефьева.

Христосъ, посредъ насъ, дорогой товарищъ, школьный другъ мой и добрый сослуживецъ нашъ о. Василій! Христосъ посредъ насъ, повторяю тебѣ именемъ нашихъ сослуживцевъ, окружающихъ твой гробъ, не получая отъ тебя отвѣта: „есть и будетъ“. Не слышно отъ тебя ни привѣта, ни отвѣта, и давно ли мы съ тобой въ этомъ самомъ храмѣ, при такомъ же огромномъ собраніи молящихся, какъ и теперь, всею ночью бдѣніемъ провожали истекшій годъ и въ часъ полунощный подъ звуки священныхъ благодарственныхъ пѣсней Господу Богу встрѣчали новолѣтіе, вступая во врата новаго года при взаимныхъ братскихъ привѣтствіяхъ, а теперь ты молчишь. Чего ради не глаголеши? Зачѣмъ безмолствуешь, наки реку ти? Отвѣтъ даетъ намъ за умершаго, скажу вамъ, осиротѣвшіе прихожане, сама св. Церковь въ своихъ свящ. пѣсняхъ: „Се лежу, возлюбленніи мои братіе, посредъ всѣхъ молчаливъ и безгласенъ: уста уразднися, языкъ преста, и устнѣ препяшася: руцѣ связастся, и нозѣ оплетостеса: зракъ измѣнися, очи угасостѣ, и не видятъ рыдающихъ: слухъ не пріемлетъ печалующихъ вопля, носъ не ухаееть кадилаго благовопія: истинная же любовь никогда же умерщвляется (66 стихъ). Вотъ что отвѣчаетъ намъ св. Церковь. Да, — неумолимая смерть наложила свою крѣпкую печать на твои уста, дорогой мой товарищъ,

отняла языкъ, смежила очи твои, погасила въ сердцѣ жизнь, уложила живъе холодное тѣло твое въ этотъ тѣсный гробъ, откуда вѣтъ только могильнымъ холодомъ да начавшимся тлѣніемъ, откуда не можетъ быть не только живаго слова, но и слабаго звука; (смерть на все наложила свои тяжелыя доковы. Неужели все кончено, неужели порвана всякая (связь теперь всъ тобой, когда погасла жизнь твоя, какъ свѣча отъ сильной струи вѣтра? А св. Животворящій Крестъ, который ты держишь въ своей похолодѣвшей десницѣ, такъ еще недавно благословлявшей свою паству, развѣ ничего не говоритъ? А св. Евангеліе, лежащее на твоихъ персяхъ, эта книга жизни, которую ты уносишь съ собой, развѣ не даетъ намъ отвѣта на обращенное къ тебѣ привѣтствіе? Въ ней то и заключается тотъ отвѣтъ, который мы всегда слышали отъ тебя: „есть и будетъ“. Да, и теперь духовнымъ ухомъ своимъ ясно и отчетливо слышимъ его: есть и будетъ посредъ насъ Христосъ Богъ нашъ, и въсть Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ, говоритъ намъ слово Божіе. Въ этомъ то и сила вѣры Христовой, въ этомъ то и наша христіанская надежда, скажу вамъ, осиротѣвшіе прихожане, бр. и сестр., горячо любившіе своего достойнаго пастыря. Живъ Господь Богъ нашъ, жива и душа вашего пастыря. „Азъ есмь воскресеніе и жизнь“, подтверждаетъ намъ эту истину Самъ Христосъ Спаситель чрезъ св. Евангеліе. Правда вы не увидите больше своего пастыря на землѣ, не услышите его добраго ласковаго привѣтливаго слова, но вѣчный духъ его не умретъ никогда, онъ будетъ витать тамъ — у престола славы и возносить за васъ свою молитву у престола Божія въ твердомъ упованіи, что и вы не забудете его въ своихъ молитвахъ здѣсь въ храмъ Божіемъ, особенно за Божественной литургіей, и дома утромъ и вечеромъ. Зная ваши добрыя и чисто сыновнія отношенія къ нему, я далекъ отъ мысли, что память о немъ скоро погаснетъ въ вашемъ сердцѣ. Да и можно ли забыть такого пастыря, который дѣлилъ съ вами радость и горе, болѣлъ вашими болѣзнями, радовался вашими радостями, облегчалъ нравственныя и матеріальныя страданія, шелъ съ охотой и и любовью по первому зову и въ глухую полночь, и въ грозную бурю, шелъ съ одинаковымъ желаніемъ и къ богачу — въ роскошныя палаты и къ бѣдняку — въ убогую хижину; можно ли, говорю, забыть того пастыря, который почти два десятка лѣтъ священнодѣй-

ствовалъ въ этомъ св. храмѣ, приносилъ безкровную жертву „о всѣхъ
 и за вся“, и такъ щедро сѣялъ съ этого священнаго мѣста сѣмена
 слова Божія: умолялъ, наставлялъ, а иногда и съ властію запре-
 щалъ, какъ заповѣдуетъ апостолъ. Мало этого, покойный о. Василій
 находилъ время и дѣтей вашихъ учить въ школахъ, его трудами и
 заботами открытыхъ въ городѣ и деревнѣ. Развѣ это вы позабудете?
 А устройствомъ и великолѣпіемъ этого предѣльнаго храма, въ кото-
 ромъ мы отдаемъ послѣднюю земную дань умершему, кому вы обяза-
 ны, какъ не покойному о. Василю, съ такимъ живымъ желаніемъ и
 рѣдкимъ стараніемъ принявшему на себя заботу объ изысканіи средствъ,
 а затѣмъ и самый надзоръ и руководство во время постройки, съ
 которою неизбежны споры, недовольство и нравственныя огорченія.
 Все это вынесъ покойный на своихъ плечахъ, все побѣдилъ своимъ
 мягкимъ характеромъ, благоразумною уступчивостью, не выходящею
 за предѣлы справедливости, и христіанскимъ терпѣніемъ. Да будетъ
 благословенно имя твое, дорогой товарищъ и добрый сослуживецъ
 нашъ о. Василій, не только между современниками нашими, живыми
 свидѣтелями твоей пастырской дѣятельности, но и между грядущими
 поколѣніями. Евангельскія зерна, посѣяныя на христіанскихъ серд-
 цахъ, не замираютъ, не исчезаютъ безслѣдно, а брошенныя дарами
 св. Духа, даютъ плоды и въ 30 и 60 и даже во 100 кратъ, и въ
 этихъ то плодахъ будетъ память твоя. Въ этихъ то сѣменахъ, ко-
 торыя ты такъ щедро сѣялъ и въ храмѣ Божіемъ, и въ школахъ, бу-
 дутъ передаваться твои священные завѣты самымъ отдаленнымъ гря-
 дущимъ поколѣніямъ. Правда, современники наши, какъ и мы всѣ,
 умрутъ, но то доброе и святое, что посѣяно тобой, будетъ перехо-
 дить отъ однихъ къ другимъ, отъ этихъ къ третьимъ, и, такимъ
 образомъ, *память твоя* по выраженію псалмопѣвца, *будетъ въ родѣ
 и въ родѣ*. А потому не страшень намъ твой гробъ, не грозна намъ
 твоя смерть; она разрываетъ только временную земную связь; рано
 или поздно и мы всѣ будемъ тамъ, куда и ты теперь идешь. Твой
 гробъ не въ силахъ лишить насъ того духовнаго общенія, которое
 даетъ намъ христіанская молитва. Она самый вѣрный и надежный
 способъ общенія неба съ землей, живыхъ съ умершими. Молись же
 за насъ тамъ — у престола Божія, а мы будемъ молиться за тебя

здѣсь на землѣ, и да будетъ посредѣ насъ Христосъ, Который
„вчера и днесъ, Той-же и во вѣки“.

Да помянетъ же Господь Богъ священство твое во царствіи
Своемъ и сотворить тебѣ, іерей Божій Василій, вѣчный покой!

Пр. *Л—нъ.*
